Старое и новое

Старая и новая Латвия — эта тема проходит через ряд спектаклей, показанных в дни декады латышского искусства и литературы. Мы остановимся на двух постановках — «Цеплис» П. Розита в Академическом театре драмы и «Корабль выходит в море» Ю. Ванана в Художественном.

Сатирический роман «Цеплис» был знаком москвичам задолго до того, как они увидели упоминание о нем на праздничной афише декады. Эдгар Цеплис — крупный делец, авантюрист, один из тех, кто всплывает на поверхность в смутное время и сказочно богатеет, когда все кругом трещит и рушится. Именно таким он и предстал на сцене в исполнении одного из замечательных актеров Латвии Я. Осиса.

Вот он деловитой и в то же время спешной походкой знающего себе цену человека входит в ресторанчик с красноречивым названием «Дух пробуждения», где обычно собираются предприниматели и спекулянты. Среди мелких фабрикантов, вроде Нагайниса и Сескиса, сомнительных дельцов типа Бриедиса, массивная фигура Цеплиса выглядит особенно внушительно.

Стоит посмотреть, с какой непринужденной грацией покупает Цеплис депутата сейма Клявина и добивается кредитов государственного банка или с какой отменной любезностью принимает он у себя на квартире «цвет» латышской буржуазии по случаю появления на свет первого национального кирпича — этого залога процветания «независимой» Латвии! Акционерное общество, созданное Цеплисом, быстро показало свою несостоятельность. Оно уже грозило рассыпаться на части, когда неутомимый авантюрист делает новый, на редкость удачный для себя ход. Противники Цеплиса разорены, а сам он, «за-

♦
На спектаклях
Академического театра драмы
и Художественного театра
Латвийской ССР
♦

работав» на афере несколько миллионов, собирается на раут к президенту. В своем парадном черном фраке он кажется незбылемым монументом процве-

тания. А между тем в нем живут страх и постоянное предчувствие неминуемой гибели «лавочки», как называют между собой дельцы буржуазный строй. Эта атмосфера их неуверенности, истерической погони за выгодой, страха перед будущим, перед народом великолепно показана постановщиком Амтман-Бриедитом.

И в ресторане «Дух пробуждения» и на балу у Цеплиса все охвачено тревогой. Возьмем ли мы владельца фабрики мышеловок Нагайниса (артист В. Силениек), свято уверенного в том, что «теперь людей оценивают не по смешной и никому не нужной честности, а по богатству». Возьмем ли вечно озлобленного, вечно рыскающего в поисках мелкой добычи владельца консервной фабрики (артист А. Милбрет), и внешним и внутренним обликом оправдывающего свое имя Сескис (хорек). Возьмем ли наконец, машинистку-кассира, любовницу Цеплиса, АуSTRU Зиле (артистка О. Крумини), тоже вечно старающуюся урвать что-нибудь у своих поклонников и ужасеров...

Здесь — в «лавочке» — все продается и покупается. Каждый торгует, чем может. И когда в этот затхлый мир купли и продажи попадают один-два порядочных человека: наивный в своей честности бухгалтер Цезарь Цауне (артист А. Лининь) или жена Цеплиса Берта (артистка Л. Фрейман), то, лишенные сил для борьбы, они оказываются жертвами. Цауне попадает в тюрьму, а Берта вынуждена изображать счастливую и довольную супругу, в то время как все ее существо протестует против жестокости и подлости мужа.

И так в каждом образе, — будь-то главный герой или эпизодическая фигура, — театр раскрывает ведущую мысль спектакля о близком конце «лавочки»

— буржуазного строя, который, как и киргичное предприятие Цеплиса, держится на обмане, подлости и человеческом горе.

Если в «Цеплисе» Академический театр драмы раскрывает перед нами картину жизни старой Латвии, то спектакль Художественного театра «Корабль выходит в море» переносит зрителя в новую, сегодняшнюю Латвию. Место действия пьесы Юлиа Ванана, поставленной режиссером Э. Смильгисом, — рыбацкий колхоз. Колхозники получили новый траулер, корабль впервые выходит в море. Но на основе этого простого факта автор и театр пытаются рассказать о судьбе латышской семьи, о борьбе за новую жизнь, за освобождение человека от оков и теней прошлого.

Не все удалось драматургу. Начав пьесу как психологическую драму, он со второго акта переводит ее в детектив. Ряд образов очерчен бегло. Но обо всех этих недостатках забываешь, когда на сцене появляется Лилита Берзинь в роли Юстины Дундара.

Выдающийся мастер латышской сцены Лилита Берзинь создает поистине волнующий, человечный и мужественный образ простой женщины, освобождающейся от гнета прошлого, находящей прочное место в новой жизни. Тяжелым камнем лежит на душе Юстины мысль о том, что ее старший сын Имант бежал с фашистами, стал предателем своего народа. А тут еще жизнь с нелюбимым мужем, старым пьяницей Дундаром, за которого ее когда-то насильно выдал кожан поселка судовладелец Кирсис. И вспыхнувшее с новой силой чувство к председателю колхоза Вадавиру, чувство, которое Юстина все время подавляет в себе, опасаясь, как бы тень прошлого — измены сына — не упала на любимого человека. И настойчивость Вадавира, требующего, чтобы Юстина сделала решительный шаг и ушла, наконец, от капитана Дундара, забрав с собой семнадцатилетнюю Дайну...

Сложные, порой противоречивые чувства актриса передает с редкой задушевностью и глубиной. Разговаривает ли ее Юстина по телефону с Вадавиром о траулере, полученном колхозом, успокаивает ли плачущую Дайну, которую перестраховщики не приняли в комсомол, повторяет ли в раздумье только что прочитанную фразу: «Человек создан для счастья, как птица для полета», — за всем этим постоянно ощущаешь

богатую и напряженную внутреннюю жизнь Юстины.

И мы чувствуем, как зреет в ее душе решимость бороться за свое счастье, как шаг за шагом освобождается она от оков прошлого. И когда на траулере, захваченном в открытом море диверсантами, она лицом к лицу сталкивается со старшим сыном, превратившимся в убийцу и бабдита, каждому уже ясно, как поступит эта советская женщина. «По стародавним мореходным законам, — говорит рыбакам Вадавир, — корабль является территорией той страны, флаг которой он несет. Значит, наш корабль — частица Советской страны. Готовы ли мы умереть, сражаясь за нее?». И смертельная схватка с диверсантами, чуть было не овладевшими траулером, становится решающим испытанием для всей команды.

И если было естественным, что коммунист Вадавир (артист Жанис Приекулис), с опасностью для жизни перебравшийся из машинного отделения в кубрик, сумел поднять команду на схватку с диверсантами, то поведение капитана Дундара, роль которого с большой выразительностью исполняет Луи Шмит, было радостной неожиданностью. Вечно пьяный, нелюдимый, брюзжащий на Советскую власть, капитан первый бросился на главаря диверсантов, признав в нем бывшего судовладельца Кирсиса. А младший сын Юстины и Дундара — штурман траулера Гирт (артист Артур Берзинь), два Густа — Вольший и Малый (артисты Альберт Микельсон и Герман Ваадик), они тоже не посрамили чести советских рыбаков, не дали увести траулер в заграничный порт.

По-настоящему интересны и талантливы декорации Оскара Муйжника. Сложнейшая задача стояла перед ним: ведь в течение одного акта действие перебрасывается с капитанского мостика то в кубрик, то в машинное отделение, то снова на палубу потерявшего управление корабля. Горячие аплодисменты, вспыхивающие в зале по адресу художника, ярче всяких слов говорят о том, сколь успешно сумел молодой художник справиться со своим делом.

Так повелось издавна: когда корабль выходит в море, близкие и друзья желают команде попутного ветра. Попутного ветра, удачи хочется пожелать и латышскому театру, вышедшему в широкое море большого, настоящего искусства!

Бор. МЕДВЕДЕВ.